

Анджей Мацей Бжезиньски
(Лодзь)

ФРАНЦУЗСКО-СОВЕТСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ
ПО ДЕЛУ РАЗОРУЖЕНИЯ
В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Первые различия между французской и советской концепциями по делу разоружения выступили в начале двадцатых годов, когда Францию и Советский Союз разделяла вражда, а отношения между делегатами обеих государств на международном форуме были спорадичные. С начала дискуссии на тему разоружения в Лиге наций в 1920 г. Французская дипломатия руководствовалась принципом преимущества безопасности перед разоружением. Идея „морального разоружения” как неотделимого для „материального” разоружения должна была служить осуществлению временных целей политики Франции перед Германией, таких как ликвидация немецкого милитаризма и реваншизма, а также исполнение репарации. Одновременно выдвигались предложения создать систему „коллективной безопасности” признающую военные союзы Франции. Провозглашалось мнение, что Французская армия является гарантией безопасности метрополии и ее заморских владений и выполнения решений Версальского договора¹.

В Москве была резко критикована политика Франции в Лиге наций где – как говорилось – она „уклонялась от разоружения”. Самая Лига наций считалась союзом западных держав угрожающим безопасности и интересам Советского государства, служащим Франции для ведения антисоветской политики².

¹ M. Vaïsse, *Sécurité d'abord. La politique française en matière de désarmement, 9 décembre 1930–17 avril 1934*, Paris 1981, с. 354; A. M. Brzeziński, *Dyplomacja francuska wobec Konferencji Rozbrojeniowej w Genewie (2 II 1932–21 V 1937)*, Łódź 1987, с. 18.

² W. Materski, *ZSRR wobec kwestii bezpieczeństwa zbiorowego w okresie międzywojennym. Liga Narodów, rozbrojenie, systemy regionalne*, „Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej” 1980, t. 16, с. 124–125; P. M. Илюхина, *Лига наций, 1919–1934*, Москва 1982, с. 114–143.

Идея разоружения, как средства сохранения всеобщего мира, представляла собой особое значение для советской власти. Разоружение было необходимым для создания социалистического государства которое находилось в исключительно трудной внутренней и внешней ситуации. В противоположности Французской власти, советская дипломатия провозглашала мнение, что только всеобщее разоружение может создать основы международной безопасности. По инициативе Владимира Ильича Ленина было предпринято решение внести предложение „всеобщего ограничения вооружений” во время конференции в Женеве в апреле 1922 г.³

Именно на этой конференции началась первая непосредственная полемика между делегатами Франции и Советского государства по делу разоружения. Во время первой пленарной сессии 10.04.1922 г. Григорий Чичерин, глава советской дипломатии, пытался включить вопрос всеобщего ограничения вооружений в программу заседания. Он обратился к выступлению Аристиды Бриана в Вашингтоне 21.02.1921 г., когда премьер Франции назвал угрозу „экспансии большевизма” в Европе, как один из элементов препятствовавших ограничению французских вооруженных сил. Чичерин заявил, что Советское государство готово разоружиться, если это является препятствием для разоружения Франции. Луи Барту, французский делегат, резко воспротивился включению вопроса ограничения вооружений в программу заседания. Правительство Раймонда Пуэнкара оговорило раньше, что вопрос разоружения не будет в Женеве обсуждаться⁴.

Вражда и недоверие французских официальных кругов к политике Советской России усилились после заключения советско-немецкого договора в Рапалло 16.04.1922 г., который являлся проявлением тактического сближения двух государств. В атмосфере подозрения наблюдалось заседание московской конференции по разоружению (2–12.12.1922 г.), организованной по инициативе советского правительства. Наверное французская дипломатия рассчитывала на неудачу московской конференции. Советский историк Виктор Хайцман внушает, что с этой целью были инспирированы правительства Эстонии, Финляндии, Латвии и Польши⁵. Материалы сохраняющиеся в архиве французского Министерства иностранных дел не подтверждают такого мнения. Можно только установить, что ему было хорошо известно о подготовке и ходе московской конференции благодаря польской и латвийской

³ *Nieznane listy, notatki, przemówienia Lenina z lat 1917–1922*, Warszawa 1962, с. 302–303.

⁴ *Документы внешней политики СССР* (ДВП СССР), т. 5, Москва 1961, док. 109 и нота, с. 201.

⁵ В. М. Хайцман, *СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами)*, Москва 1959, с. 86–107.

дипломатиям⁶. Польша и балтийские государства действовали по французскому принципу первенства безопасности, добиваясь заключения пакта о ненападении, как предварительного условия к дискуссии о „политическо-моральном разоружении”. Советские предложения, между прочим, 75% сокращение сухопутных сил, а также сокращение военных бюджетов пропорционально существующим вооруженным силам, были отказаны, как слишком радикальные и одновременно выгодные для Советской России. Надо подчеркнуть, что в ходе московского заседания советские делегаты обвиняли Францию, что „с формулой морального разоружения” она ведет политику „удушения Германии”, угрожая ее территории и границам⁷.

Французские штабные считали, что Советский Союз, как и другие государства, должен быть обнят решениями вашингтонских трактатов с 1922 г. в пределах ограничения морских вооружений. Этот вопрос обсуждался во время конференции в Риме (14–25.02.1924 г.) с участием делегатов 17 стран, м. п. Советского Союза, но без результатов. Евгений Беренс, советский делегат, пользовался в дискуссии французским принципом первенства безопасности. Он подчеркивал, что морские границы СССР не являются безопасными, поэтому страна должна располагать относительно сильным флотом. Однако это было связано с временной тактикой, а не с признанием французского тезиса⁸.

Изменение официальных отношений французского правительства к Советскому Союзу наступило лишь после победы парламентских выборов так называемого „левого блока” 11.05.1924 г. Правительство Эдуарда Эррио установило дипломатические отношения с Советским Союзом 28.10.1924 г. Различия в понимании вопроса безопасности и разоружения остались все-таки большими. Это стало видным во время работы Подготовительной Комиссии к конференции по разоружению во II половине двадцатых годов. Первые три сессии Подготовительной Комиссии прошли без участия советских делегатов. С времени убийства Вацлава Воровского, советского делегата на лозаннскую конференцию (10.05.1923 г.), правительство СССР оставалось в конфликте со швейцарской властью и отказывалось отправить представителей в Женеву. Урегулирование советско-швейцарского конфликта наступило лишь в половине апреля 1927 г.

Тем временем в Подготовительной Комиссии укрепилось убеждение что решение проблемы ограничения и сокращения вооружений будет невозможно без участия СССР. Французская дипломатия поддерживала

⁶ А. М. Brzeziński, указ соч., с. 42.

⁷ ДВП СССР, т. 6, док. 29, заявление советской делегации, 12.12.1922 г.

⁸ ДВП СССР, т. 7, док. 35, 57, 74; P. Estienny, *Le Problème de la Limitation et de la Réduction des Armements Navals (1921–1931)*, Toulouse 1931, с. 96–110.

инициативу западных соседей Советского Союза (Польша, Румыния, Латвия, Финляндия), чтобы проект конвенции разоружения включал в себя параграф Э.Ц., называемый „русской клаузулой”. Обусловлял он осуществление конвенции разоружения этими государствами заключением ее Советским Союзом или по крайней мере приступлением Страны Советов к Лиге наций. Бриан упомянул о включении Советского Союза в Лигу наций во время встречи с Чичериным в Париже 24.05.1927 г. Французская военная власть проявляла интерес к участию Советского Союза в работах Подготовительной Комиссии. Предполагалось что советские делегаты будут заставлены обнаружить немного подробностей касающихся состояния и организации вооруженных сил Советского Союза. Зато дипломаты боялись, что в Подготовительной Комиссии будут сотрудничать делегаты Германии и СССР. Правительства обоих государств, хотя по разным причинам, высказывались за всеобщее разоружение. Не оправдались расчеты французского Министерства иностранных дел, что включение Германии в Лигу наций ухудшит советско-немецкие отношения. Пакт в Рапалло остался основой отношений между Москвой и Берлином, что было подтверждено в договоре о нейтралитете заключенном 24.04.1926 г.⁹

Уже в первый день заседания IV сессии Подготовительной Комиссии (30.02.–3.12.1927 г.), Максим Литвинов, председатель советской делегации, указал Лиге наций на отсутствие прогресса в области разоружения и критически оценил тактику обусловления разоружения прогрессом по делу безопасности, которую вела Франция и ее союзники. Литвинов выступил с декларацией советского правительства о всеобщем, полном и немедленном разоружении. Он высказал мнение, что полное разоружение проведенное однократно или этапами было бы „наиболее эффективной” и „наиболее универсальной” гарантией безопасности¹⁰.

Жозер Поль-Бонкур, делегат Франции критически оценил советскую декларацию по разоружению. Высказался, что она является „слишком простой” и опускает существующие до сих пор резолюции Собрания Лиги наций, признающие зависимость безопасности от разоружения. По мнению делегата Франции, всеобщее и полное разоружение довело бы к зависимости „малых стран” от „больших государств”. Несмотря

⁹ W. Michowicz, *Sprawa tzw. klauzuli rosyjskiej w pracach Przygotowawczej Komisji Rozbrojeniowej*, „Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały” 1969, t. 4, s. 105–127; Г. М. Трухнов, *Рапалло в действии. Из истории советско-германских отношений (1926–1929 гг.)*, Минск 1982, сщ 125–126.

¹⁰ В. М. Хайцман, *Советские проекты конвенций о всеобщем, полном и немедленном разоружении и о сокращении вооружений в Подготовительной комиссии*, „Acta Universitatis Lodzianensis”, 1983, Folia historica 17, s. 99–126.

на разоружение, большие державы сохранили бы преимущество „военного потенциала” (население, промышленность, сырье)¹¹.

Во время очередной, 5-ой сессии Подготовительной Комиссии, Литвинов выступил 23.03.1928 г. с проектом конвенции о ограничении вооруженных сил и сухопутных, морских и авиационных вооружений. Этот проект был тоже критически оценен французами, которые подчеркивали, что задачей Подготовительной Комиссии является рассмотреть вопрос сокращения вооружений, согласно 8 параграфу Пакта Лиги наций, а не ликвидации вооружений, что предлагал Литвинов. Советские предложения по разоружению были отказаны (поддержали их только делегаты Германии и Турции)¹². Учитывая свою точку зрения советская делегация не приняла проекта Подготовительной Комиссии касающегося конвенции по разоружению, которая была принята 9.12.1930 г. Она имела лишь общий характер без никаких численных определений¹³.

Французско-советские расхождения по вопросу разоружения появились с новой силой во время продолжающегося несколько лет заседания мировой конференции по разоружению в Женеве, которая началась 2.02.1932 г. Французская делегация выступила 5 февраля с так называемым планом Тарде, который являлся попыткой укрепления Лиги наций путем снабжения ее вооруженными силами и военным оборудованием. План заключал в себя предложение создания системы коллективной безопасности основанной на „совместном действии” государств. Максим Литвинов критически отнесся к „плану Тарде”, подчеркивая, что он не имеет „ничего общего с разоружением”. Отрицательно оценил он идею снабжения Лиги наций международной армией. Указал м.п., что нельзя ожидать от Советского Союза, чтобы доверил свою безопасность и часть своих войск Лиге наций, которая состоялась в большинстве с враждебных ему государств и не имеющих с ним никаких отношений. В таких условиях международная армия являлась бы опасностью для Советского Союза. Литвинов подчеркнул, что самым лучшим способом решения проблемы организации мира, предотвращения войны, обеспечения безопасности всем народам является всеобщее и полное разоружение. Он заметил, что цели этой можно достигнуть путем постепенного ограничения вооружений. Первым этапом было бы принятие советского предложения с 23.03.1928 г., которое предусматривало уничтожение самого „агрессивного” оружия, м.п. танков, тяжелой артиллерии и бомбардировщиков¹⁴.

¹¹ А. М. Brzeziński, указ. соч., с. 65–66.

¹² ДВП СССР, т. 11, док. 98.

¹³ В. М. Хайцман, *СССР и проблема разоружения...*, с. 246–248.

¹⁴ ДВП СССР, т. 6, док. 75, 76.

В Москве „план Тарде” был очень критически оценен, как проект ведущий к „антисоветской войне”, „саботирования разоружения”, сохранения военного могущества Франции под покровительством Лиги наций. Надо подчеркнуть, что такие же оценки выступают в советской историографии¹⁵.

18.02.1932 г. Литвинов предъявил проект резолюции о всеобщем и полном разоружении. Однако заметил, что в случае отклонения этого предложения конференцией по разоружению, предлагает рассмотреть проект конвенции о пропорциональном и прогрессивном ограничении вооружений с 23.03.1928 г. вместе с приложенными коррективами. Самые важные заключались в выделении трех групп государств:

А – с сухопутной армией свыше 200 тысяч (предусматривалось сокращение на 50%);

Б – с сухопутной армией с 30 до 200 тысяч (сокращение до 50%);

В – с сухопутной армией ниже 30 тысяч (сохранение существующего до сих пор количества). Такие же принципы сокращения предлагались для морского вооружения и авиации¹⁶.

Французская дипломатия не приняла эти предложения, потому что они не принимали во внимание безопасности, географического положения и „специальных условий” государств, любые принципы прогрессии (для государств более слабых в военном отношении) и пропорции (для сильнейших государств). Французская критика советских инициатив по разоружению заключалась в том, что разоружение не является целью самой в себе, а только одним из „основных средств” ведущих к „международной организации мира в пределах Лиги наций”¹⁷.

Французско-советский пакт о ненападении заключен 29.02.1932 г. временно улучшил отношения между Парижем и Москвой. Советская дипломатия смягчила м.п. критику точки зрения Франции по делу разоружения. По отношению к новому французскому плану „организации мира” предъявленного в Женеве 14.11.1932 г. она заняла умеренное место. Проект склонялся к созданию системы безопасности параллельно с материальным разоружением. Он предусматривал м.п. пакт о взаимопомощи в случае агрессии, систему международного контроля вооружений и арбитража, создание однородной системы краткосрочной обязательной военной службы, ликвидацию тяжелой артиллерии и танков, а также запрет химической и бактериологической войны¹⁸.

¹⁵ В. М. Хайцман, *СССР и проблема разоружения...*, с. 296–287; З. С. Белоусова, *Франция и европейская безопасность, 1929–1939*, Москва 1976, с. 65; П. М. Илюхина, указ. соч., с. 206.

¹⁶ ДВП СССР, т. 15, док. 82.

¹⁷ Archives du Ministère des Relations Extérieures, Paris, Série: SDN, vol. 869, с. 9.

¹⁸ M. Vaïsse, указ. соч., с. 317–318.

Литвинов заявил в Женеве 6.02.1933 г., что советская делегация рассмотрела с большим интересом французские предложения, признавая „если не все, то некоторые из них” достойными поддержки. Слабой стороной плана являлось то, что в значительной части он не касался Советского Союза, а только стран-членов Лиги наций, главным образом европейских¹⁹.

В ходе женевского заседания до половины октября 1933 г., главной целью французской дипломатии являлось не допустить к легализации немецких вооружений и к формальному отклонению от военных клаузул Версальского мирного договора. Стремление британской дипломатии, которую поддерживали американцы и итальянцы, к удовлетворению части вооруженных требований гитлеровской Германии, ставило Францию в трудном тактическом положении. Французское Министерство иностранных дел не решилось однако сотрудничать с советской дипломатией. Отказалось м.п. от приступления Франции к всеобщей конвенции о определении агрессора, основанной на советском предложении предъявленном в Женеве 6.02.1933 г.²⁰ В возникшей ситуации советская делегация не склонялась поддерживать французскую тактику в Женеве. Это стало видным в ходе дискуссии о британском „плане Макдональда” с 16.03.1933 г. Этот проект проявил тенденцию Лондона к удовлетворению вооруженных требований Германии за счет государств континентальной Европы, а также сохранение преимущества Великобритании на море. Он нарушал значение Лиги наций в системе коллективной безопасности, оскорбляя одно из основных предложений французской политики²¹. Советская дипломатия критически оценила британский план указывая, что он касается только европейских государств и произвольно устанавливает пределы сокращения их сухопутных, морских и авиационных вооружений. Однако Литвинов не собирался поддерживать делегации Франции в стараниях на счет модификации британского плана. Игнорировал тоже замечание французов, что немецкие вооруженные силы в действительности обнаружили уже превосходство над лимитами предвиденными британским планом и надо было бы потребовать в Женеве проведения контроля немецких вооружений. Литвинов сказал, что Советский Союз не собирается проверять, выполнила ли Германия решения Версальского мирного договора²². Глава советской дипломатии считал, что правительство Гитлера отбросит любой проект конвенции не принимающий во внимание немецкие требования по вооружению.

¹⁹ ДВП СССР, т. 16, док. 32.

²⁰ В. М. Хайцман, *СССР и проблема разоружения...*, с. 337–338.

²¹ А. М. Brzeziński, указ. соч., с. 243.

²² ДВП СССР, т. 16, док. 291 и прим. 228, с. 853.

Советский Союз в свою очередь должен был учитывать вооружения Японии – „агрессивного соседа”, который отказался от Лиги наций 27.03.1933 г. Литвинов не скрывал, что советское правительство не подпишет конвенции по разоружению без участия Германии и Японии²³.

Уход гитлеровской Германии с конференции по разоружению 14.10.1933 г. и с Лиги наций перечеркнул расчеты правительств западных держав на соединение Германии клаузулами всеобщей конвенции по разоружению. Смысл продолжения женеvской конференции оставался под вопросом. Однако руководство французского Министерства иностранных дел высказывалось продолжать конференцию „хотя бы в фиктивной форме”, чтобы сохранить францvзско-английское сотрудничество перед Германией. Это вызвало возражения советской дипломатии. Литвинов считал, что появилась ситуация, в которой можно было завершить конференцию и обвинить в этом правительство Гитлера. Когда оказалось, что большинство стран высказывается за продолжение конференции, Литвинов предъявил 29.05.1934 г. проект преобразования конференции по разоружению в „постоянную, периодически собирающуюся мирную конференцию”. Ее целью было бы „предотвращение войны и ее тяжелых последствий” при помощи установления конвенции о сокращении и ограничении вооружений, а также при помощи составления и принятия средств для укрепления международной безопасности. Францvзская делегация не приняла этого проекта, потому что его отбросили Великобритания и другие государства²⁴.

Советская дипломатия считала, что если невозможным является „полное разоружение” и появляются трудности в контролировании процесса „ограничения вооружений”, единственным способом предотвращения угрозы новой войны является „система региональных пактов” о взаимопомощи. Временное францvзско-советское сотрудничество на счет Восточного пакта с участием Германии окончилось однако неудачей. Перемена советской тактики по делу безопасности и разоружения наступила в результате международной ситуации, которая становилась все хуже. Однако это не обозначало, что советское правительство отказалось от лозунга всеобщего и полного разоружения. Во время последнего заседания Бvро Конференции по разоружению 31.05.1937 г., Литвинов напомнил, что Советский Союз по-прежнему является сторонником этой идеи²⁵.

²³ Documents on British Foreign Policy 1919–1939, Ser. II, vol. 7, dok. 539.

²⁴ В. М. Хайцман, *СССР и проблема разоружения...*, с. 371–373.

²⁵ Archiwum Akt Nowych w Warszawie. MSZ, t. 1708, k. 1–29.

Из вышеуказанного вытекает, что в период между двумя войнами Франция и Советский Союз занимали крайне разные позиции по делу разоружения. Французскому тезису о первенстве безопасности, Советский Союз противопоставил лозунг всеобщего и полного разоружения. Идеологические различия, разные цели внешней политики и взаимное недоверие стали причиной отсутствия одногласия между двумя государствами по делу разоружения.

Andrzej Maciej Brzeziński

ROZBIEŻNOŚCI FRANCUSKO-RADZIECKIE W KWESTII ROZBROJENIA W OKRESIE MIĘDZYWOJENNYM

W dwudziestoleciu międzywojennym Francja i Związek Radziecki zajmowały krańcowo różne stanowiska w kwestii rozbrojenia. Francuskiej tezie „najpierw bezpieczeństwo, potem rozbrojenie”, dyplomacja radziecka przeciwstawiała konsekwentnie postulat powszechnego i całkowitego rozbrojenia, które osiągnięte jednorazowo lub etapami byłoby „najskuteczniejszą” i „najbardziej uniwersalną” gwarancją międzynarodowego bezpieczeństwa.

Różnice pomiędzy francuską a radziecką koncepcją rozbrojenia ujawniły się m. in. podczas konferencji geneńskiej w 1922 r., rzymskiej konferencji w sprawie ograniczenia zbrojeń morskich w 1924 r., oraz w toku prac Komisji Przygotowawczej do Konferencji Rozbrojeniowej w drugiej połowie lat dwudziestych. Z nową siłą wystąpiły one podczas kilkuletnich obrad światowej konferencji rozbrojeniowej. Różnice ideologiczne, odmienne cele polityki zagranicznej i wzajemna nieufność powodowały, że między delegacjami obu państw w Genewie nie doszło do zbliżenia stanowisk.

Po wystąpieniu Niemiec hitlerowskich z konferencji rozbrojeniowej dyplomacja radziecka uznała, że jedynym sposobem zapobieżenia groźbie nowej wojny byłby system paktów regionalnych o pomocy wzajemnej. Okresowa współpraca francusko-radziecka na rzecz Paktu Wschodniego zakończyła się jednak niepowodzeniem. Zmiana taktyki radzieckiej w kwestii bezpieczeństwa i rozbrojenia nastąpiła wskutek pogarszającej się sytuacji międzynarodowej.